

Поэзия с гастрономическим привкусом

Посвящается начинающим поэтам (любого возраста)

Больше всего на свете Ольга Грей (это псевдоним, настоящая фамилия Галушкина) боялась, что он и её начнёт экзаменовать. Он – это противный дедуля в их литературном клубе. Он, конечно, накачанный, то есть подкованный, начитанный, и Ольга Грей уже видела, как он до одной поэтесски молоденькой, старый пень, докапывался:

– Как по-вашему, есть ли среди авторов современной зарубежной литературы писатели мирового уровня? – вкусно отшвыркивая общий клубовский чаёк из не очень хорошо отмытой фарфоровой кружки, интересовался дедуля.

– А из современных российских кто вам больше импонирует? – снова раздавалось аппетитное швыркание и снова через непродолжительное время взволнованно-монотонного бубнения раскрасневшейся и явно растерявшейся студенточке:

– А кого бы вы назвали из незаслуженно забытых поэтов золотого века?

Девочка старому пню явно нравилась. И далеко не как поэтесса. Что-то мекала на каждый вопрос: она-то, по некоторым признакам, на филологическом парилась. «А вот что я буду делать, если дедуля до меня докопается?» – боялась Ольга, возвращаясь поздно вечером домой после очередного заседания клуба. Она-то технарь и всю жизнь просидела в конторе некоего «станко», а потом в «кастрюле» строительного завода.

Ну, писала стишки поздравительные. Ну, декламировала их, страшно волнуясь, третьим-четвёртым тостом, торжествен-

но держа в одной, трясущейся от волнения, руке фужер со светло-пузыристым советским шампанским, а в другой сам текст стихотворения.

Правда, при этом больше всего на свете не хотела бы, чтобы поздравляемые, а также прочие поздравители обнаружили, что стишок этот задорный её, кровное, Ольги Галушкиной сочинение! Чтобы этого, не дай бог, не произошло, она даже придумывала и настойчиво внедряла в сознание присутствующих разные убедительные отмазки, что, мол, нашла стишок в такой-то газете или журнале, обязательно старой... или старом? Неважно, пусть поищут, кому надо.

Стишки, однако, брали за душу и, порой, до такой степени, что никто и подумать не мог, что это Ольгины. Потому что так проникновенно написать простой работник отдела кадров, явно не мог. А мог только маститый какой-нибудь или известный... может, даже на всю страну.

Сослуживцы не только так подумывали, но даже и поговаривали вслух. Шутили, конечно. Но, накалывая слабо солёненькую селёдочку на вилочку, или копчёненький, тонко нарезанный, полупрозрачный беконец, чтобы достойно закутить им стопочку холодненькой чистой, как слеза младенца, водочки, многозначительно улыбались и кивали друг другу головами.

Это грело, а порой горячило душу Ольги Грей настолько, что она даже подумывала испуганно: а не обратиться ли ей со стихами этими в какую-нибудь... ре-дак-ци-ю? И эта странно выговариваемая «редакция» была так же далека и бесконечно притягательна, как... космос.

Да, зато теперь бегают, как ошалелая, по клубам разным, заглядывают в глаза редакторам местных журналов и больше всего на свете боится, что кто-нибудь подумает, что стихи

– НЕ её! Потому громко так объявляет: «Ольга Грей! Стихотворение такое-то».

Но грамотёшки не хватает. Сказывается станко-кастрюльная основная деятельность. И сомнения одолевают, во имя чего всё-таки она в этом мире литературных-поэтических грёз надежд и чаяний ошивается? Филологически безграмотная, неизвестная, невидная в море таких же, как она, крашенных дев предпенсионного возраста, соскребающих всякую чушь с сусеков своих уставших от жизни душ?

Опять же псевдоним, надо же, Ольга «Грей», в её-то возрасте. Перо бросить что ли? Ольга не раз уже это делала. Натурально забрасывала шариковую ручку далеко под диван. Потом мучительно её доставала оттуда, или искала другую. Максимум, хватало до вечера, если забрасывала утром, или до утра, если, скажем, процедура выбрасывания ручки (пера) «насовсем» под диван происходила вечером, так сказать, на сон грядущий.

Потом появился компьютер, его под диван не забросишь. Ольга махнула рукой и... пошла в «Плантацию», только что открытый в их районе специализированный кофе-чайный магазин, покупать натуральный кофе в зёрнах. Ей посоветовали Марганджип, самое дорогое, ну она и купила, конечно, творить – так творить.

Кофе она варила обязательно в турке, наливала в маленькую чашечку, и чтобы галеточка на блюдечке. Всё это ставилось на компьютерный столик и...

И однажды она... пошла в редакцию!

Она шла и думала о том, какой позор её ожидает. Как она вот сейчас зайдёт в эту неведомую редакцию, с каким убийственным презрением её все там будут разглядывать и недоумевать: зачем она сюда к ним, небожителям, припёрлась, и что она вообще о себе думает. Конечно же, она сразу вылетит обратно.

Редакцию Ольга себе представляла в виде некоего эдема, то есть просторного, светлого помещения, сплошь заставленного цветами в вазонах и пальмами в кадучках. Помещение желательно длинное, уходящее в известность, славу, по типу туннеля, и чтобы в конце свет. Между пальмами и розовыми кустами порхают ангелы.

Так, а ангелы тут причём? Нет, пожалуй, без них.

Но, когда она всё-таки решилась и открыла дверь этой первой своей редакции, она увидела нечто похожее на книжный магазин и очень приветливую женщину, которая, узнав в чём дело, предложила пройти с ней в её кабинет и сразу же, сходно, так сказать, напоила чаем. Чай в редакции был обычный. Необычность момента заключалась в том, что женщина её даже не знала. Может, она и не писательница никакая, а тогда зачем чаем поить?

Она выскочила в первый раз довольно быстро. У неё просто взяли подборку стихов на читку. И даже поговорили, сочувственно так, как с человеком.

Необъяснимое случилось во время второго визита. Ей сказали, что стихи хороши и вполне достойны внимания и, самое главное, их можно печатать! Правда, остудили немного пыл, предупредив, что печатать-то печатать, но исключительно за свой счёт и никаких тебе гонораров! Господи, какой такой «го-но-рар», слово «редакция» организм едва переварил.

Чтобы немного опомниться, будущая известная поэтесса, сразу после аудиенции с главным редактором, завернула в пиццерию, которая располагалась тут неподалёку, и хорошенько объелась пиццы.

Пиццерии росли, как грибы после дождя, и же с ними Макдональсы, Суши-бары, Ростиксы. Зайти в одно из таких заведений было круто. «Особенно маститому поэту», – подумала Ольга, усаживаясь за двухместный столик, уютно накрытый светло-бежевой соломенной подложкой.

Играла тихая музыка, на пластиковом подносе, на картонной одноразовой тарелочке, лежал треугольник пиццы. За восемьдесят рублей, между прочим. И дымилась малюсенькая кружечка кофе Латте и два продолговатых тюбика сахара, ещё за пятьдесят. Рядом упаковка с влажной салфеткой и две обыкновенные бумажные. Дороговато, конечно, но... гулять – так гулять!

Главное, не спешить, есть медленно, продлить удовольствие. И мечтать, мечтать, мечтать: как он появится, её первенец, её собственный сборник стихов! Тогда-то она и придумала автору будущего сборника псевдоним: Ольга Грей! Она не верила, что всё это происходит с ней. Что она без пяти минут знаменитость, сидит в этой дорогушей пиццерии, а завтра о ней узнает вся страна!

Потом был первый сборник. И опять она, наивная, ехала в автобусе и... по традиции лакомила. На этот раз мороженым. Привычка есть мороженое в автобусах, была постыдной, но неискоренимой и брала свои истоки ещё из детства.

Именно там болезненная страсть к бумажным стаканчикам с белым, воздушным, желанным до слёз, до детской истерики, лакомством укоренялась в самом глубинном подсознании, чтобы уже не покинуть его никогда.

Ольга и сейчас помнила, как его круглой железной ложкой-половничком накладывала в несколько коротких взмахов толстенная тётя мороженица в бумажный стаканчик, непременно с горкой, быстро взвешивала на весах, чтобы всем один вес, брала десять копеек и всаживала в стаканчик деревянную лопаточку!

Счастливым обладатель белой, воздушной, холодной субстанции, разомлевший от жары и от стояния в очереди за счастьем, быстренько отбежал от тележки мороженицы в ближайший парк, падал на свободную, выкрашенную непре-

менно в зелёный цвет, парковую скамейку и, о счастье, целых полчаса наслаждался прохладным лакомством и жизнью!

Сорок лет спустя Ольга, симпатичная, прилично одетая женщина средних лет, (может, чуть выше средних, но это не важно), удобно устроившись, в мягком, кожаном кресле полупустой новенькой маршрутки, поминутно вытаскивала одной рукой, свободной от поплывшего уже вафельного стаканчика, сборничек из сумочки, обласкивала взглядом, полным любви и обожания обложку и снова осторожно, чтобы не испачкать, устраивала в сумке.

Стесняясь и ругая себя за то, что «в автобус опять с мороженым», аккуратно слизывала его, то с одной стороны доньшка стаканчика, то с другой – оно готово было потечь. При этом украдкой поглядывала по сторонам. Ей было важно, чтобы никто из едущих в автобусе, пока... (нет, потом другое дело, но пока...) не догадался, что этот сборник, эту маленькую книжицу, которую они, вот эти самые окружающие её пассажиры маршрутки, очень скоро будут мечтать иметь в собственной домашней библиотеке, именно её, Ольги Грей, авторский сборник великолепных, да что там, гениальных стихов!

Сколько прошло с той поры?..

А с тем дедулей они всё-таки сошлись на узенькой дорожке. Зря она его боялась, он давно её раскусил и экзаменовать не мыслил. К тому же оказался нормальным таким чуваком, и они даже подружились, в смысле, пофилософствовать в перерывах между клубовскими мероприятиями. Притом что не он у неё выспрашивал, что да как в мировой и отечественной литературе, а, наоборот, сам просвещал ненавязчиво, в порядке шефства, так сказать и, как Ольга подозревала, от перегруженности информацией в этой области, разгрузить её хоть на кого-нибудь был рад радёшенек.

Она ему очень благодарна, потому что именно он был её первым утешителем после её первых разочарований. И от того, что ни знаменитой, ни известной не стала. Почему? Вот в этом-то и задача. По крайней мере, для неё, Ольги Грей-Галушкиной. Если не знаменитой, зачем писать, ведь всё равно никому не нужно, кроме тебя самой?

Но именно он, дедуля, как обычно вкусно пошвыркивая клубовским чайком, объяснил ей как-то на досуге, что и она, и он сам, и все другие, так называемые литераторы, не просто так вращаются во всяких там литературных сферах, ловят уставшего бегать от них Пегаса. А у них есть своё, очень важное предназначение. Настолько важное, что она может со спокойной совестью продолжать писать, творить, сочинять, талантливо и не очень, да... как угодно! Её миссия ясна, важна, ответственна и, с какой стороны ни посмотри, необходима не только для неё, как для творческой единицы, но и для самой, так сказать, литературы в целом.

– Мы, – посмеивался по-доброму дедуля, – и отдельные творческие индивидуумы, и те, что объединены в различные клубы, в общей массе своей составляем кипящий бульон этой самой литературы, где пожиже, где погуще, где попостнее, где пожирнее. Мы кипим, варимся, кажется, все вместе, в одном, так сказать, котле. Но это заблуждение, потому что на самом деле мы варимся все по отдельности. Вот «известный» готов, вот «признанный» на дуршлаг откинулся, вот «народный» выскочил, как ошпаренный.

Но однажды, прямо из этой кипящей и парящей субстанции, как царевич из Иванушки-дурачка, выскочит... гений!!! Один на всех! Один на сто лет! Вот как Распутин из Иркутского бульона, или Шукшин из Алтайского.

Кого-то скушают с аппетитом, и даже какое-то время отрыжка помучает: мол, вкусный, то есть интересный был

поэт, ну или прозаик. А кого-то даже тут, в бульоне, ложкой к стенке кастрюльки откинут, варись себе, вываривайся, навар давай. Царевич НЕ из тебя выйдет. Из кого? Неизвестно пока, но не из тебя...

Ольге сильно взгрустнулось. До такой степени, что она, придя домой, в очередной раз пожалела, что компьютер нельзя под диван, как ручку, забросить. Сломать разве? Но... опять же, как?

«Кувалдой, что ли? – прикинула про себя Ольга Грей и тут же отринула этот недемократичный вариант окончания литературной деятельности. – Ну, это уж совсем! Где ж я столько денег возьму, если каждый раз?»

И... пошла варить кофе.

А когда кружечка с вкусно дымящимся напитком, с галеточкой на блюдечке, уже стояли на компьютерном столике, и Ольга Грей окинула это всё любящим взглядом, её как будто отпустило, и стало легко и окончательно ясно, что от судьбы не уйдёшь, а значит, и нечего дёргаться. Она открыла страничку, попечалилась ещё недолго, вздохнула и... бодро застучала по клавишам:

«Я званье поэта к себе не примерю и песнь свою – не допою. Голодному зверю, лютному зверю – времени – жизнь отдаю! Оно же, урча, год за годом глотает, свирепая щерится пасть. Судьба-ресторатор меню составляет: зверюге насытиться всласть! Вот вырезка, вот пожирнее кусочек, вот – с перчиком, вот – пересол... Подкинула парочку сахарных косточек – прожорливой твари на стол. А той – только дай. И когда же уймётся? А мне-то... какой с того прок? Всё меньше годков в закромах остаётся и в Лету не вписанных строк. Я званье поэта к себе не примерю и песнь свою – не допою. Я просто в поэзию яростно верю! И жизнь – словно песню – люблю!!!»